

Извекова Татьяна Федоровна

Izvekova Tatyana Fedorovna

кандидат филологических наук, доцент,
директор Центра международного образования
и языковой коммуникации, заведующая кафедрой
лингвистики и межкультурной коммуникации
Новосибирского государственного
медицинского университета

PhD in Philology, Assistant Professor,
Head of the Linguistics and Intercultural
Communication Department, Leader of International
Office of Education and Language Communication,
Novosibirsk State Medical University
of Ministry of Health

КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНСТВА ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

THE CONCEPT OF UNITY OF FAITH AND KNOWLEDGE IN PHILOSOPHY OF F.M. DOSTOYEVSKY

Аннотация:

Статья представляет собой философское осмысление глубинной взаимосвязи веры и знания в философской концепции Ф.М. Достоевского. Применяя различные методологические подходы – метафизический, диалектический, герменевтический и феноменологический, автор раскрывает сущность обозначенной проблемы посредством использования философской концепции о взаимосвязи веры и знания, предложенную Ф.М. Достоевским. В системе писателя нет главных и второстепенных начал, но есть центральное – Абсолют. На страницах его художественных произведений разворачивается многообразие связей и отношений начал его метафизической системы, через которые конструируются мир, бытие, бесконечность, вечность, человек в динамике его изменений, важнейшие атрибуты человеческого бытия (в том числе вера и знание). Вера имеет еще одну важную особенность: вера в Христа для Ф.М. Достоевского есть вера в Человека, так или иначе наделенного знанием. Следовательно, вера и знание непременно преломляются через главный объект описания (и исследования) Ф.М. Достоевского как писателя и философа – Человека. Атрибутивное единство прослеживается в том, что вера и знание – взаимосвязанные и неотделимые элементы приобретаемого человеком в целостном развитии единого духовного начала, в котором находят выражение как отношение человека к самому себе и своему внутреннему миру, проявляющееся прежде всего в вере, так и опыт взаимодействия с окружающим миром, природой, космосом, представленный главным образом в знании. Путь Человека, его становление, вера на пути Человека и происходящие в нем самом и вообще в мире изменения притягивают Ф.М. Достоевского, который своей философией стремится найти ответы на вечные, так называемые «проклятые» вопросы. Во многом полученные им ответы не только новы и злободневны, но и содержат непреходящее метафизическое, следовательно, абсолютное значение.

Ключевые слова:

абсолют, человек, суетное, относительное, метафизическое, вера, знание, атрибут, истина, смысл, единство, интерпретация, реальное бытие, подлинное бытие, бессмертие.

Summary:

The paper discusses the philosophical understanding of the deep relationship of faith and knowledge in the philosophy of F.M. Dostoyevsky. The author continues to use different methodological approaches - metaphysical, dialectical, hermeneutic and phenomenological, and reveals the essence of this issue using the philosophy of the relationship between faith and knowledge proposed by F.M. Dostoyevsky. In Dostoyevsky's system there are no main and secondary beginnings, but there is a central one - Absolute. The variety of connections and relations of the beginnings of his metaphysical system are presented in the pages of his artistic works. Through this variety the world, man, infinity, eternity, man in the dynamics of his changes, the most important attributes of human being (including faith and knowledge) are constructed. Faith has another important feature: faith in Christ for F.M. Dostoyevsky is faith in Man. And Man is somehow endowed with knowledge. Therefore, faith and knowledge will necessarily be refracted through the main object of description (and research) of the writer and philosopher – a Man. Attributive unity can be seen in the fact that faith and knowledge are interrelated and inseparable elements acquired by man in his holistic development of a single spiritual beginning, in which both the attitude of man towards himself and his inner world expressed primarily in faith, and the experience of human interaction with the surrounding world, nature, space, expressed mainly in knowledge are reflected. The way of Man, his formation, faith in the way of Man and the changes in himself and in the world taking place are the most interesting for F.M. Dostoyevsky. He seeks to find answers to eternal, so called "cursed" questions in his Philosophy. In many ways, the answers he received are not only new and topical, but also contain an enduring metaphysical and, therefore, absolute meaning.

Keywords:

absolute, man, trivial, relative, metaphysical, faith, knowledge, attribute, truth, meaning, unity, interpretation, real and genuine being, immortality.

Научному осмыслению творческого наследия Ф.М. Достоевского как философа и метафизика посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей. Особо значимы труды Р. Лаута [1], Н.О. Лосского [2], М.М. Бахтина [3], В.В. Зеньковского [4], Н.А. Бердяева [5] и

др. Одна из ключевых интерпретаций его философии принадлежит Н.А. Бердяеву. Для нас принципиально важно фундаментальное и определяющее все существо Ф.М. Достоевского как философа следующее положение: «на примере своего творчества Достоевский показал, что преодоление рационализма и раскрытие иррациональности жизни не есть непременно умаление ума, что сама острота ума способствует раскрытию иррациональности» [6, с. 222]. Иначе говоря, Ф.М. Достоевский в своей философии глубины запредельных, «не от мира сего» и принципиально иррациональных начал, как это ни парадоксально, пытается, причем успешно, как показано далее, раскрыть путем использования рациональных подходов. В качестве главного средства постижения иррационального он применяет рациональные инструменты (понятия, их анализ и классификацию, логические выводы и т. д.), но более всего – метафизическое моделирование, настоящие опыты с персонажами своих произведений: «Достоевский – не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы» [7, с. 214].

Что это значит для целей нашего исследования? Во-первых, то, что те литературные герои произведений Ф.М. Достоевского, которые, на первый взгляд, выглядят как обычные, «от мира сего» люди, в том числе как «униженные и оскорбленные», на самом деле есть важнейшие и активные участники не только повседневных и суетных дел, а разных *метафизических опытов* философа, в которых его воображением, фантазией, полетом рациональной мысли конструируются *иные реальности, другие миры*, наполненные событиями вселенской, всеобщей сущности: здесь самый заурядный мирской человек уже встречается с вечностью, самим Абсолютом, явлениями и связями поистине космического масштаба, может умереть и воскреснуть, посмотреть на себя с высот вечности и бессмертия. Во-вторых, данные персонажи литературных творений Ф.М. Достоевского образуют целостное единство одного, причем именно *метафизического* Героя, принадлежащего бытию как таковому и имеющего множество различных ликов в образе эмпирических личностей, которые существуют не сами по себе, но исключительно как проявления единой метафизической Личности в лабиринтах времени и вечности. В таком формате каждый герой Ф.М. Достоевского «изымается» из суетной повседневности внешнего мира, лишается рабской подчиненности ему во всем, лицом к лицу предстает перед Абсолютом и вселенскими смыслами жизни и активности, становится ответчиком на все экзистенциальные вопросы, которые, в свою очередь, приобретают характер обязательных и атрибутивных этому новому и подлинному – метафизическому – бытию человека: «Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать... а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, но живет» [8, с. 115].

Необходимо упомянуть еще об одной важнейшей стороне философии Ф.М. Достоевского – исключительно новаторской и революционной, которая в конечном счете позволила ему построить совершенно новую метафизическую систему бытия человека, – о преодолении русским философом многовековой (двухтысячелетней) традиции европейской философии, выраженной в господстве *принципа иерархии* в построении различных метафизик, объясняющих мир и человека. Суть этого принципа состоит в том, что базовые элементы метафизических систем всегда образывали иерархическую пирамиду, на вершине которой находились самые «старшие» начала системы (в первую очередь Абсолют), а все другие – на нижних этажах (Первоначало, Единое, Ум, Душа, Благо и т. д.). Например, метафизическая пирамида христианства представляла собой следующую иерархию (от вершины к нижним уровням): 1) Бог; 2) свобода, жизнь и любовь; 3) жизнь, смерть, смысл бытия и др.; 4) зло и окружающая реальность. Ф.М. Достоевский полностью разрушил подобную иерархическую пирамиду метафизики, введя вместо иерархического соотношения начал метафизики их абсолютное равноправие в определениях бытия. В его метафизической системе нет главных и второстепенных начал, нет первичных и вторичных, но существует центральный – *Абсолют*. В метафизических экспериментах его художественных произведений наблюдается многообразие связей начал его метафизической системы, через которые формируются мир, бытие, бесконечность, вечность, человек в динамике изменений, ключевые атрибуты человеческого бытия (в том числе вера и знание) и т. д. В пространстве этих метафизических миров могут быть поставлены различные вопросы, на которые допускаются любые, ничем не ограниченные ответы, без каких-либо исключений и по принципу «возможно абсолютно все». Яркий пример подобного подхода – неожиданная, даже вызывающая недоумение, трактовка Ф.М. Достоевским *сознания как болезни*: «...не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь» [9, с. 102]. Еще более определенно и жестко об этом говорит философ в «Записной книжке 1860–1862 гг.»: «Сознание – болезнь. Не от сознания происходят болезни (что ясно как аксиома), но само сознание – болезнь» [10, с. 197].

На наш взгляд, понимание сознания человека как болезни, патологии – глубочайшее проникновение Ф.М. Достоевского в подлинную философию человека, его жизни и активности. Дей-

ствительно, многие политические, экономические, культурные и другие реалии мира людей свидетельствуют о величайшем безумии устройства жизни, практик, часто по принципу «из скотов – сало, из людей – деньги». Как еще могут быть названы господствующие ныне «несвятые святыни», по Ф.М. Достоевскому, – ценности эгоизма, насилия, наживы, если не безумием и болезнью? На что направлены разум и активность человека? Разве прибыль, роскошь и им подобные «начала» являются единственно возможными и подлинными целями пребывания *разумного* человека в этом мире? В каком облики тогда предстают разум, сознание, сама реальность жизни людей, ими генерированная? Ф.М. Достоевский абсолютно прав – именно болезни! Яркий пример проявления безумия – пандемия коронавируса: возникло множество «мудрецов», готовых извлечь выгоду (политическую, экономическую, военную, информационную, идеологическую и т. д.) из этого всемирного и абсолютного зла. *Разум, извлекающий блага из зла*, – в этой формуле сокрыты безумие и та болезнь сознания, которую увидел и явил миру Ф.М. Достоевский.

В этом же метафизически-экспериментальном ключе следует рассматривать и веру в Христа, которая для Ф.М. Достоевского *равносильна вере в бессмертие человека*: с точки зрения философа, обычный смертный человек – совсем не подлинная и окончательная сущность человека; достаточно напомнить его знаменитые слова людях как о «недоделанных пробных существах», созданных в насмешку [11, с. 238]. Однако главное состоит не в том, что человек не достиг окончательного развития, а в том, что он как смертное существо рано или поздно исчезнет; при этом человек как абсолютное и космическое начало преодолевает тленность и является бессмертным. У Ф.М. Достоевского бессмертие – не только традиционно понимаемое, соответствующее христианской трактовке, но и своеобразно и принципиально вариативно (об этом подробнее изложено далее). Иначе говоря, смертный человек – только видимая, внешняя и временная форма того неведомого и непостижимого элемента мироздания, который бессмертен и причастен Абсолюту: «идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» [12, с. 49–50]. Без этой идеи «бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо» [13, с. 46].

У Ф.М. Достоевского даже Христос участвует в его метафизических экспериментах, причем сразу три Христа: кроме Христа, его реальным («земным») двойником оказывается Кириллов из романа «Бесы», а также герой рассказа «Сон смешного человека», который в метафизических размышлениях о смыслах бытия уходит дальше всех (об этом подробнее изложено далее). Известный российский философ и метафизик И.И. Евлампиев подчеркивает, что «через Кириллова Достоевский выражает самые сокровенные свои убеждения; и как это почти всегда происходит в его художественном мире, все самое важное здесь оказывается в парадоксальных, противоречивых отношениях с нашими обыденными критериями и ценностями, – они оказываются слишком однозначными и прямолинейными в том загадочном мире, где живут герои Достоевского и где они своими фантастическими поступками и судьбами открывают истину о нас самих» [14, с. 132].

У Ф.М. Достоевского вер (верований) тоже несколько: формальная (или абстрактная) вера в Бога Творца и подлинная вера, понимаемая мыслителем как преобразование земного бытия. Здесь он ссылается на Христа как на идеал: сила к преобразению человека и всей его земной жизни должна быть явлена самим человеком в его духовном и историческом развитии предельным воплощением всех возможностей и потенций [15, с. 106–107]. Преобразование жизни к более совершенной форме и есть путь преодоления смерти, подлинного воскрешения человека не в потусторонней загробной жизни, а в земной: «Жизнь есть, а смерти нет совсем» [16, с. 188]. В чем заключается идеал преобразования земной жизни? Ф.М. Достоевский находит, что он состоит в достижении «полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое я – и отдать это всё самовольно для всех. В самом деле: что станет делать лучшего человек, всё получивший, всё сознавший и всемогущий?» [17, с. 192]. Переходя от проблем преобразования земной жизни к ее метафизическим началам, Ф.М. Достоевский говорит о разных ипостасях воскресения, которое в его представлениях также не единственно: есть традиционное христианское его понимание (после смерти), а есть новое, причем в двух вариантах: а) перемена человека в земной его жизни, б) перемена земного бытия всего человечества (глубинный смысл этих воскресений Ф.М. Достоевский разъясняет в рассказе «Сон смешного человека» (об этом подробнее см. далее). Через различие двух вариантов понимания воскресений Ф.М. Достоевский показывает главное различие Христа и Кириллова: Христос верит в преобразование после смерти, а Кириллов – в преобразование в самой земной жизни.

Христос показывает пример самоотверженной веры, но каждый должен сам повторить это усилие веры, и тогда жизнь любого – это бесконечно повторяющаяся Голгофа, где каждый – Христос [18, с. 148]. Кириллов (как главный выразитель идей самого Ф.М. Достоевского) отвергает принципиальное различие между Иисусом и любым человеком, осуществляющим усилие веры, поскольку абсолютно все люди в вере – Иисусы, а Христос в вере – лишь простой человек.

Новый Христос, по Ф.М. Достоевскому, – человекобог, т. е. человек, поверивший в собственные силы, которые в максимальном выражении, по сути, божественны. «Новый Христос», которого так ждет Кириллов и которым он сам пытается стать, – это именно человек, но способный в себе самом, своем реальном, земном человеческом естестве выявить бесконечную божественную силу, умеющую чудесным образом, поистине мистически преобразовать весь мир. Этим человекобог отличается от Богочеловека, Христа, который есть Бог, воплотившийся в человеческую плоть. «Устами Кириллова Достоевский выражает главную суть своей веры, в гораздо большей степени, чем традиционное христианство, соединяющей Бога и человека; в ней именно человек – в своей индивидуально-личной, неповторимой и ограниченной сущности – предстает как носитель божественного начала, как Абсолют, определяющий все, что уже существует в реальности, и обуславливающий возможность преобразования всего сущего» [19, с. 151].

Вера у Ф.М. Достоевского – вера прежде всего в человека; только он и именно он есть единственный Абсолют в максимальном (божественном) воплощении природной (естественной) и приобретенной в генезисе (в первую очередь духовной) природы. «И пришла мне в голову одна фантастическая и донельзя дикая мысль: "Ну что, – подумал я, – если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, – во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет?" <...> Вы не верите, что вы так прекрасны? А я объявляю вам честным словом, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, если б и всех-то их сложить вместе, не найдется ничего столь прелестного, как сейчас, сию минуту, могло бы найтись между вами, в этой же бальной зале. <...> Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны!» [20, с. 12].

Хорошо видно, что у Ф.М. Достоевского происходит радикальное изменение и смысла Абсолюта: на место Абсолюта, трансцендентного миру и человеку, приходит трансцендентно-имманентный Абсолют, совпадающий с отдельной эмпирической личностью. Заметим, что такая трактовка веры и Абсолюта, воплощенная в «человекобожестве», вызвала резкую критику многочисленных оппонентов, которые стали обвинять Ф.М. Достоевского в атеизме. На эти нападки на философа и его воззрения Н.А. Бердяев ответил известным тезисом: «Этим противоположением <Богочеловека и человекобога> потом очень злоупотребляли в русской религиозно-философской мысли. Идея человекобога, явленная Кирилловым в ее чистой духовности, есть момент в гениальной диалектике Достоевского о человеке и его пути. Богочеловек и человекобог – поллярности человеческой природы. Это – два пути – от Бога к человеку и от человека к Богу. <...> У Достоевского совсем не было желания прочесть мораль о том, как плохо стремиться к человекобожеству. У него всегда дана имманентная диалектика. Кириллов – антропологический эксперимент в чистом горном воздухе» [21, с. 231].

Завершая эту часть работы, заметим, что И.И. Евлампиев нашел убедительные подтверждения тому, что вера Кириллова соответствует вере самого Ф.М. Достоевского, в его дневниках и публицистике: например в дневниковой записи от 16 апреля 1864 г.: «...Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем после появления Христа как идеала человека во плоти стало ясно, как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтобы человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может делать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. <...> Это-то и есть рай Христов. Вся история как человечества, так отчасти и каждого отдельно есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели» [22, с. 173].

Здесь целесообразно вернуться к основному сюжету работы – концепции Ф.М. Достоевского о глубинном, метафизическом единстве веры и знания, которая наиболее полно и целостно представлена в произведении «Сон смешного человека». Герой этого рассказа, попав на некую планету, обнаруживает там человеческое общество, достигшее идеального развития: «...У них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих, и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной» [23, с. 114]. Из этого фрагмента видно, что в воображаемом обществе присутствует та человеческая, но поистине божественная сила, которая сумела добиться подлинного единения людей в ими же преобразованном на началах разума, любви, добра мире. В таком – уже во всем получившемся – человеке вера из первоначально осознанного состояния как надежды на преобразование земного бытия и достижения бессмертия каждым человеческим существом диалектически превращается в веру, но теперь абсолютную, что означает ее полное исчезновение и превращение в знание – то самое начало, которое, вырстая из веры, в предельно развитом виде переходит в окончательное обладание истиной.

Итак, можно целостно осознать и предметно выразить концепцию Ф.М. Достоевского о глубинном единстве веры и знания: вера и знание – не только органическое и нерасторжимое целое, но и одно и то же сложное духовное человеческое начало, причем на разных стадиях развития – от свободной веры на начальном этапе до знания как абсолютной веры, где вера полностью исчезает и уступает место лишь знанию. Вера – старт развития этого духовного начала человека, на котором она преобладает над знанием; в любом промежуточном состоянии этого развития вера и знание входят в него в качестве атрибутов в том или ином соотношении, зависящем от множества факторов, в первую очередь от уровня культуры, влияния идеологии, степени социального и материального благополучия сообщества людей и др. Наконец, на финише этого сложного и длительного процесса знание становится основным компонентом духовного начала, в высшем проявлении оно достигает состояния окончательного обладания истиной в форме именно знания. Отсюда следует, что вера и знание – взаимосвязанные и неотделимые атрибуты приобретаемого человеком в целостном развитии единого духовного начала, в котором проявляются как отношение человека к самому себе и своему внутреннему миру, выраженному прежде всего в вере, так и опыт его взаимодействия с окружающим миром, природой, космосом, выраженный главным образом в знании. Атрибутивная взаимосвязь веры и знания представлена в словах Дмитрия Карамазова: «И, кажется, столько во мне этой силы теперь, что я всё поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я есмь! В тысяче мук – я есмь, в пытке корчусь – но есмь! В столпе сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, – это уже вся жизнь» [24, с. 31].

Здесь важно подчеркнуть еще одну сторону взаимосвязи веры и знания в концепции Ф.М. Достоевского. Речь идет о трактовке знания как о результате определенным образом завершенного не только познавательного, но и целостного жизненного процесса, в котором присутствует не только оно само, но и вера в особой превращенной форме. Главное в этих их началах состоит в том, что теперь они суть единое и целостное духовное образование, позволяющее ответить на вопросы, во-первых, о том, что наличествует в этом мире, во-вторых, о том, что в нем должно быть: что есть в нем сам человек и каким он должен быть, чтобы достигнуть подлинного обличия; что есть истина и какой она должна быть и т. д. Единство веры и знания в подобном сочетании становится непросто констатацией сторон наличной реальности, но и конкретным проектом ее будущего развертывания с активным участием в этом созидании человека именно как нового Абсолюта, человекобога. Единство наличного и должного, текущего и желаемого, несовершенного и идеального, относительного и абсолютного, профанного и сакрального – существенная сторона анализируемой концепции взаимосвязи веры и знания, в которой постижение сущности их целостности осуществляется через поиски всеобщих связей самых разных начал по древнейшему мифологическому принципу «все во всем». Сам путь решения этой фундаментальной проблемы у Ф.М. Достоевского глубоко метафизичен и диалектичен, соединяет в себе рациональное и иррациональное, существующее и воображаемое, внешнее и внутреннее, онтологическое и аксиологическое, гносеологическое и антропологическое, теологическое и социальное и т. д., в той или иной степени вносящие вклад в истинное решение данной проблемы как единого и целостного образования – духовного первоначала, атрибутами которого являются всегда и вера, и знание.

Такова в общих чертах философская концепция Ф.М. Достоевского об атрибутивном единстве веры и знания. Несомненно ее значение для решения большинства важнейших мировоззренческих проблем – «проклятых» вопросов, о которых речь шла в начале работы. На этом можно было бы поставить точку, ибо цели статьи в основном достигнуты, но что-то глубинное и метафизическое не дает нам права так ее закончить. Безусловно, теория Ф.М. Достоевского снимает многовековое противопоставление веры и знания, показывает подлинно божественную силу, заключенную в человеке как в Абсолюте, но только если человек сумеет пройти труднейший путь подлинного развития от примитивнейшего животного состояния до состояния человекобога, преобразовать себя и мир собственными усилиями на принципах любви, добра, полной гармонии всех начал человеческого бытия. Однако для этого, по замечанию Ф.М. Достоевского, «человек должен быть выделан»; увы, в настоящее время большей правдой представляется другое положение великого философа: «Человек не получился, он – жалкая насмешка на человека». В контексте проведенного в данной работе философского анализа воззрений Ф.М. Достоевского такой вывод, на наш взгляд, аргументирован и обоснован.

Сумеет ли человек все-таки получиться? На этот ключевой вопрос аргументированный и обоснованный ответ пока отсутствует, т. е. относительно будущего мира и человека нет полного знания, но всегда жива и дает надежду вера: возможность реализации на земле идеального состояния жизни еще не потеряна. Эта вера часто есть то единственное, что внушает оптимизм, мобилизует на дальнейшее движение вперед. При этом концепция атрибутивной взаимосвязи

веры и знания великого философа еще раз демонстрирует главное – веру в человека, его божественный потенциал, который есть еще время в полной мере реализовать.

Ссылки:

1. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении : пер. с нем. М., 1996. 447 с.
2. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Бог и мировое зло. М., 1994. С. 5–248.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 318 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. 880 с.
5. Бердяев Н.А.: 1) Мирозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 7–151 ; 2) Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг. : сборник статей. М., 1990. С. 215–235.
6. Бердяев Н.А. Откровение о человеке ... С. 222.
7. Там же. С. 214.
8. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. V. Л., 1973. С. 99–179.
9. Там же. С. 102.
10. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1860–1862 гг. // Там же. Т. XX. Л., 1980. С. 152–170.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Там же. Т. XIV. Л., 1976. 511 с.
12. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. Ноябрь – декабрь // Там же. Т. XXIV. Л., 1982. 518 с.
13. Там же. С. 46.
14. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв. Русская философия в поисках абсолюта. В 2 ч. СПб., 2000. Ч. 1. 415 с.
15. Тихомиров Б.Н. О «христологии» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. В 22 т. Т. 11. М., 1994. С. 102–121.
16. Достоевский Ф.М. Бесы // Полное собрание сочинений. Т. X. Л., 1974. 519 с.
17. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1860–1862 гг. С. 192.
18. Евлампиев И.И. Указ. соч. С. 148.
19. Там же. С. 151.
20. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. Январь. Золотой век в кармане // Полное собрание сочинений. Т. XXII. Л., 1981. С. 12–13.
21. Бердяев Н.А. Откровение о человеке ... С. 231.
22. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863–1864 гг. // Полное собрание сочинений. Т. XX. С. 170–179.
23. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека. Фантастический рассказ // Там же. Т. XXV. Л., 1983. С. 112–119.
24. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 31.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович